

М.Н. Волконский

Жанна де Ламот

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В67

В67 **Волконский М.Н.**
Жанна де Ламот / М.Н. Волконский – М.: Книга по Требованию, 2021. –
192 с.

ISBN 978-5-4241-1833-3

Князь Михаил Николаевич Волконский (1860-1917) - беллетрист, драматург, в начале XX века был одним из самых популярных исторических романистов России. В основе его увлекательных произведений - "неофициальная история" XVIII века, сплетающаяся из множества бытовых интриг, дворцовых тайн, приключений и мистики. За ним заслуженно закрепился почетный титул "русского Дюма". Интриги, власть, деньги, любовь - всё переплелось в его увлекательных произведениях...

ISBN 978-5-4241-1833-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© М.Н. Волконский, 2021

Глава I

Семь цветов радуги

Летом 1808 года России приходилось воевать на два фронта: на севере со Швецией и на юге — с Турцией, но Петербург, несмотря на то, что стал почти театром северо-восточных действий, которые были очень близки к нему, продолжал жить своей обыкновенной столичной жизнью, даже мало отличавшейся от зимней, потому что двор не выезжал на дачу...

Государь император Александр I жил на Елагином острове в летнем маленьком дворце, бывшем доме масона Елагина, где, как говорили, сохранилось все, что касалось масонства.

Наиболее богатые из общества разместились на островах — на Каменном и на Крестовском, в особенности, те, кто имел тут свои дачи, и на Черной речке, считавшейся тогда самым аристократическим летним местопребыванием.

Здесь деревянные дома были построены на манер каменных, в так называемом «итальянском вкусе», окружены цветниками и подстриженными деревьями, а в прозрачные тогда воды Черной речки гляделись сентиментально-поэтические плакучие березы, спускавшие свои ветки над гранитными урнами, статуями и плитами с таинственно загадочными надписями.

Такова тогда была мода.

В средних числах июня к одному из таких домов на Черной речке подъехала карета и из нее вышел господин в летнем полосатом фраке — наиболее употребительной тогда одежде — с высоким жабо и в круглой шляпе с большими полями.

Он поднялся по ступенькам крыльца твердой, уверенной походкой и, когда, завидев его, выбежали два лакея в ливерях и в пудре, спросил у них:

— Аркадий Ипполитович Соломбин дома?

Лакеи удивленно оглядывали господина как совершенно незнакомого и с первого взгляда не внушавшего особенного доверия.

В самом деле, хотя его костюм и легкая английская карета были безукоризненны, тем страннее казались на таком господине огромные синие очки, целиком, почти с бровями закрывавшие его глаза, и, главное, неприятно поражали пряди жестких рыжих волос, ниспадавших из-под полей его шляпы.

Такой щеголь, каким был господин, приехавший в английской карете, должен был по тогдашней моде, во-первых, коротко стричь свои волосы, а во-вторых, носить никак не синие очки, а изящную золотую лорнетку...

Лакеи замаялись, но все-таки старший из них спросил заинтриговавшего их приезжего:

— Как прикажете доложить?

— Доложи: Иван Михайлович Люсли, — приказал господин.

Лакей, видимо, никогда не слыхавший такой фамилии, снова выказал сомнение.

Тогда господин, называвший себя Иваном Михайловичем Люсли, достал бумажник, вынул оттуда визитную карточку, дал ее лакею и велел отнести.

Эта визитная карточка оказалась не совсем обыкновенной, она была отпечатана фиолетовой краской и в углу ее стояли буквы: «В.П.О.»

Лакей, отправившийся докладывать с карточкой, вернулся так быстро, как

только мог, и кинулся к гостю с такой предупредительностью, что сразу было видно, что хозяин просить велел.

Не успел господин Люсли снять свою шляпу, как навстречу ему показался Аркадий Ипполитович Соломбин, человек весьма привлекательной наружности с мягкими, красивыми манерами.

— Милости прошу, добро пожаловать, — заметил он на великолепном французском языке, на котором не только говорили, но и думали в аристократическом русском обществе тогда. И он с поспешностью повел приезжего, показывая ему дорогу:

— Сюда, сюда, пойдемте ко мне в кабинет, — пригласил он, растворяя дверь.

Люсли следовал за ним, не меняя выражения лица, казавшегося совсем неподвижным благодаря огромным своим очкам.

Они вошли в кабинет.

Соломбин учтиво усадил своего гостя в кресло и стал приглядываться к нему, как будто видел его в первый раз.

Так оно и было на самом деле. Соломбин видел Ивана Михайловича Люсли впервые в своей жизни, но должен был встретить его и принять как знакомого и даже желанного гостя по его лиловой визитной карточке и по стоявшим на ней буквам «В.П.О.».

Люсли сел, дождался, пока сядет Соломбин, и тогда начал разговор — довольно странный и совершенно непонятный для человека, не посвященного в тайну, по-видимому, известную только им обоим.

Но они-то отлично понимали друг друга!..

— Вы знаете, что красный цвет весьма близок к фиолетовому, — сказал Люсли и взялся за борт своего фрака.

— Красный, смешанный с синим, дает фиолетовый, — спокойно ответил Соломбин, улыбнулся и, как будто случайно, три раза закрыл и открыл правый глаз.

— Синий тут ни при чем, — возразил Люсли, — я говорю про красный, — вынул из кармана лиловую кокарду и нацепил ее себе в петлицу.

Тогда Соломбин встал и надавил какую-то пружинку, достал маленький ящик из бюро, достал оттуда кокарду красного цвета и тоже надел на себя.

— Я вижу, что вы именно тот, к которому у меня дело, — успокоительно произнес Люсли.

— Я не показал бы вам этого, если бы не убедился, что вы в самом деле тот, который может иметь ко мне дело, — заметил Соломбин.

Рыжий Люсли наклонил голову.

— Вы являетесь одним из семи цветов радуги — Красным.

— А вы — Фиолетовым...

— Совершенно верно. Остаются еще пять...

— Пять, но на самом деле четыре...

— И это верно. Мне известно, что прежний Желтый «выцвел», как принято выражаться между нами. Но я должен успокоить вас: взамен прежнего найден новый Желтый в Петербурге...

Соломбин пожал плечами, как будто хотел сказать, что это вовсе не касается его.

— Остальные четыре, — продолжал Люсли, — поручаются вам. Я приехал к

вам с просьбой, чтобы вы известили Синего, Оранжевого, Голубого и Зеленого, что мы должны собраться в четверг в восемь вечера.

Соломбин ничего не возразил, только спросил:

— Где?

Люсли дал ему подробный адрес.

Глава II

Желтый

— Однако, — сказал Соломбин, — все мы, насколько мне известно, должны собираться не иначе, как под председательством того, кто объединяет нас всех, то есть все семь цветов, в один — то есть Белый, — пояснил он Люсли.

— Ну да, Белый, — утвердительно кивнул головой Люсли и промолвил:

— В четверг у нас будет председательствовать новый Белый, присланный нам из Парижа.

Соломбин встрепенулся.

— Новый Белый? — переспросил он.

— Ну да.

— Присланный из Парижа?

— Да.

— Значит, иностранец?

— Не знаю.

— Наверное, иностранец. Во всяком случае, если он прислан нам из Парижа, то уж не может быть из тех, которые действовали здесь прежде. Я не знаю, насколько это хорошо для нашего дела! По-моему, надо выбирать в качестве руководителя известное в стране лицо, обжившееся там и знакомое с бытом и нравами. Что может сделать тут присланный из Парижа, не только не знакомый, может быть, с Петербургом, но и о России-то ничего не знающий и воображающий, что у нас по улицам бродят белые медведи?.. Я об этом посылал в Париж две мемории... Вы были в Париже?

— Я только что оттуда.

— Не слышали ничего, как там смотрят на меня?

— Нет, не слыхал, да и вообще не желаю и не считаю себя вправе, вступать в какие-нибудь обсуждения по этому поводу, — коротко и сухо проговорил Люсли. — Мне поручено передать вам о том, что вы должны сообщить о собрании Синему, Голубому, Оранжевому и Зеленому, да и сами приехать. А если вы хотите что-нибудь сообщить об общем деле — сделайте это на собрании...

И с этими словами Иван Михайлович Люсли встал и, поклонившись, направился к двери.

Соломбин не настаивал на продолжении разговора и проводил гостя до самой прихожей.

Люсли сел в карету, посмотрел на часы и велел ехать на Гороховую.

С Черной речки путь на Гороховую был неблизкий, но отличные лошади бежали быстро, и Люсли, сидя в карете, не выказывал признаков нетерпения.

Напротив, покачиваясь на мягких рессорах дорожного экипажа, он смотрел в окно по сторонам с нескрываемой, почему-то торжествующей улыбкой, и ехал по улицам Петербурга с видом победителя.

Петербург того времени, то есть самого начала прошлого века, девятнадцатого по счету, не представлял собой еще громады камня и железа, каким он является теперь, а потому не был летом столь душен и тяжел.

Сад, давно уже вырубленный и теперь застроенный, свежим дыханием радовал людей, масса зелени позволяла глубоко дышать, а воды Мойки, Фонтанки и каналов не были столь загрязнены и казались прозрачными; вдоль всего Невско-

го проспекта тянулись два ряда деревьев, зеленевших и превращавших тротуары в бульвары...

На Гороховой дома тоже перемежались с заборами, из-за которых свешивались ветки, но все-таки улица была пыльная и грязная.

Карета Люсли остановилась у двухэтажного дома, низ которого был занят двумя магазинами, а на верхний этаж вела довольно неказистая каменная лестница, заканчивавшаяся площадкой с дверьми, обитыми окрашенным в зеленую краску холстом...

У этих дверей на цепочке висела кисть звонка, что было довольно большим новшеством, едва еще перешедшим в Россию из-за границы...

Люсли, поднявшись по лестнице, дернул за звонок, подождал и, так как ему не отпирали, позвонил еще и еще раз.

За дверью послышались шаги, стукнул засов и перед Люсли появилась заспанная фигурка лохматого подростка — казачка, испуганно смотревшего на посетителя.

— Поди доложи Ивану Александровичу, что их желают видеть, — приказал Люсли так грозно, что казачок, видимо, оробел и попятился.

Люсли вошел в прихожую.

— Кому? — переспросил казачок.

— Ивану Александровичу Борянскому, барину твоему, — повторил Люсли.

— Барину! — протянул казачок и стал чесать затылок. Он был в полном недоумении, как ему поступить.

Ему было приказано говорить, если спросят, дома ли, что «дома нет», так он и говорил до сих пор, но тогда ему еще не приходилось иметь дело с прямым приказанием посетителя «идти и доложить»...

— Барина дома нет, — наконец выдал он.

— Да, верно, он еще спит?

Барин действительно спал, и потому казачок уже решительно не знал, как ему быть теперь.

Между тем Люсли из прихожей уже вошел в первую большую комнату, вроде зала.

Трудно было вообразить, в каком виде был этот зал: посередине стояли три сдвинутых вместе ломберных стола, закапанных воском и исписанных мелом. Груда карт лежала в беспорядке. Восковые свечи, догоревшие до подсвечников, казалось, все еще чадили. Карты валялись повсюду — и на полу, и на столе. Они были согнуты, разорваны на клочки, редко целые.

Особенно неприглядный вид имели растоптанные куски мела.

Стулья были разбросаны по всей комнате в полном беспорядке. В подсвечниках высились кучки золы, выбитой из трубок. Несколько чубуков с трубками были брошены как попало.

Вдоль стены тянулся длинный стол, узкий, покрытый залитой вином скатертью и уставленный опустевшими бутылками и грязными, липкими стаканами.

Зал носил на себе явные следы продолжавшейся всю ночь картежной игры, закончившейся настолью недавно, что дорвавшаяся, наконец, до сна прислуга не успела убрать его.

Люсли сел на первый же попавшийся стул и, достав визитную карточку, передал ее казачку и приказал:

— Поди разбуди барина и отдай ему это!

Казачок нехотя ушел.

Некоторое время было тихо. Затем послышалось громкое ворчание, окрик и звонкая пощечина. Казачок стремительно вылетел и, держась за щеку, с воем пробежал через зал.

Люсли не двинулся со своего места.

Ворчание усилилось; дверь, из которой вылетел казачок, распахнулась, и в зал вошел огромного роста мускулистый человек с курчавой черной головой и большими бакенбардами. На нем был халат, который он, запахнув, держал одной рукой на груди.

Он остановился, расставив ноги, утвердился на них, опустил голову и красными, налитыми кровью глазами поглядел на Люсли.

— Я имею честь говорить с Иваном Александровичем Борянским? — спросил Иван Михайлович.

— Ну, удовольствия, я думаю, мало говорить со мною, в особенности в такой вот обстановке, — ответил Борянский, осмотрев зал, и проговорил: — Фу, какое свинство! Пройдемте сюда вот, в гостиную!..

Но и в гостиной оказалось ничуть не лучше. Там тоже повсюду валялась зола из трубок, недопитые вина в стаканах и в бутылках.

— Говорите, пожалуйста, быстрее, в чем дело, — сказал Борянский, — мне спать хочется!

— Я вижу, — улыбнулся Люсли, — вы всю ночь играли в карты.

— Двое суток подряд... Ну, вы ко мне явились от этого... как его... общества «Восстановление прав обездоленных», что ли?

При этом Борянский посмотрел на лиловую карточку Ивана Михайловича Люсли, которую держал в руках, и в углу которой стояли буквы «В.П.О.», что и означало «Восстановление прав обездоленных».

Ивану Михайловичу Люсли такой откровенный приступ не совсем понравился, он поморщился и проговорил:

— Вы высказали желание поступить в это общество и были приняты в него как один из семи деятелей, различавшихся по цветам радуги. Вам достался желтый цвет, и я привез для вас кокарду этого цвета, чтобы вы надевали ее в знак вашей принадлежности к обществу «Восстановления прав обездоленных».

И с этими словами Люсли передал своему собеседнику желтую кокарду, а сам нацепил в петлицу лиловую.

Борянский взял кокарду, мельком взглянул на нее и, небрежно бросив ее на стол, сказал:

— Все это — пустяки... эти цвета, кокарды... и всякая такая мистика... А вы мне лучше о деле расскажите! Ведь, насколько я понимаю, общество занимается тем, что отыскивает наследства без прямых наследников и находит затем подходящих людей, к которым правдой или неправдой может перейти вымороченное наследство?

— Ну зачем же неправдой?.. — попробовал возразить Люсли.

— Ну ведь и я не вчера родился! — перебил его Борянский. — И не считаю себя институткой; да и не все ли равно: правдой там или неправдой, раз все делается на законном основании и за это получают денежки!.. Ведь вы-то права обездоленных не даром же восстанавливаете!

— Ну, конечно, не даром, — согласился Люсли.

— Ну вот то-то и оно!.. Видите, если умно дело повести, то большие капиталы на этом нажить можно!

— Об этом с вами распространяться я не имею права! — остановил его Люсли. — Мое дело передать вам кокарду вашего цвета и пригласить вас на общее собрание в четверг. Оно будет происходить под председательством нового Белого!

— Ох! — махнул рукой Борянский. — Бросьте вы эти кокарды и цвета!.. Тут человек две ночи не спал, у него глаза словно бы медом смазаны, а вы разные рацеи разводите. Если вы меня зовете в четверг только затем, чтобы в краски играть да кокардами щеголять, так я и не приеду! Я, знаете ли, такой человек, что мне подавайте существенное, а без этого самого существенного я совсем никуда не похужу!

— Если вы под существенным, — спокойно сказал Люсли, — подразумеваете деньги, то могу вам вручить от имени общества до тысячи рублей сейчас, если вам угодно; на это я уполномочен!

— Вот это — дело! — воскликнул Борянский, ударив рукой по столу. — Вот это — дело!.. Мне деньги кстати сегодня!

— А? Проигрались, верно! — усмехнулся Люсли, доставая из кармана пакет с кредитками.

— Я никогда не проигрываю, — даже обиделся Борянский, — нет-с, в эти двое суток у меня недурной улов был; до двадцати пяти тысяч я как раз восемь сотен с тремя десятками недобрал... Вот я этот недобор из этой тысячи и восполню и кругленькой суммой в двадцать пять тысяч в банк внесу. Оно остроумно и выходит: выиграю в банк и будет положено тоже в банк. Но не карточный стол, а государственный!

Борянский взял деньги, пересчитал их, зажав в кулаке, и, видимо, считая весь разговор оконченным, раскланялся с Люсли, заявив ему, что теперь он пойдет спать, но что в четверг придет на заседание. Затем он удалился, держа в кулаке деньги, полученные от Люсли.

Глава III

Аукцион

Иван Михайлович Люсли, разговаривая с Борянским, несколько раз посматривал на часы, как человек, который торопится и поэтому не может пускаться в долгие разговоры.

Он остался доволен краткостью своей беседы с Борянским и, выходя от него и садясь в свою карету, еще раз посмотрел на часы, которые показывали без двадцати минут два, и проговорил:

— Я еще успею...

Не более как через десять минут он подъехал к небольшому одноэтажному дому-особнячку на Моховой улице.

По-видимому, в этом доме был съезд. У крыльца стояло несколько собственных экипажей и извозчиков, но съехались сюда, по всем признакам, отнюдь не гости.

В передней не было прислуги, она не выскакивала на крыльцо навстречу подъезжавшим экипажам.

На крыльце топтались какие-то чуйки, некоторые окна были открыты и в них можно было увидеть внутри дома свободно расхаживающих людей самых различных сословий. Тут были и щеголи, и бородатые купцы.

Было похоже, что в доме происходят похороны. В сущности, так оно и было на самом деле, только хоронили не человека, а его состояние, распродавая последнее, что у него было.

Дом этот принадлежал Максиму Геннадьевичу Орлецкому и продавался с аукциона вместе со всей находившейся в нем обстановкой.

Кто, собственно, был этот Максим Геннадьевич Орлецкий, никто хорошенько не знал. Не знали также, почему продается с аукциона его имущество — за долги или по какому другому случаю.

В «Петербургских ведомостях» было помещено об этом аукционе объявление, и по этому объявлению в дом на Моховую съехались и сошлись разного звания люди.

Начало аукциона было назначено на два часа, и Люсли, по-видимому, сильно интересовался продажей, потому что торопился попасть к этому времени. Войдя в дом, он не стал осматривать продававшиеся вещи и обходить дом, а преспокойно сел в первой, служившей залом комнате на стул и, заложив ногу за ногу, принялся терпеливо ждать, когда начнется аукцион...

Последний начался минут на сорок позднее назначенного часа, и было объявлено, что сегодня будут продаваться книги из библиотеки, причем первыми пойдут дорогие, старинные.

Эти книги, несмотря на то, что они были «дорогие и старинные», были оценены в два и в три рубля. Они так и пошли за эту цену, потому что никто из присутствующих почти ничего не добавлял, и аукционист то и дело постукивал в третий раз молоточком и обращался к тому, кто накидывал пяточок, или, в лучшем случае, двугривенный против оценки, со словами:

— За вами!

Дошла очередь до старого латинского молитвенника, обтянутого кожей, с медными застежками.

— Латинский молитвенник! — провозгласил аукционист. — Оценка — полтора рубля... Кто больше?

— Пять копеек, — сказал Люсли.

— Рубль пятьдесят пять, — протяжно, нараспев, привычным тоном произнес аукционист. — Кто больше?

— Рубль... — вдруг послышался голос из угла, противоположного тому, где сидел Люсли.

Голос был довольно хриплый и неприятный.

Люсли, приподнявшись со своего места, постарался рассмотреть своего конкурента, посмеявшего сразу на рубль повысить цену на молитвенник.

Это был человек в довольно потертом гороховом костюме, в мятой, далеко не первой свежести рубашке, с торчащими во все стороны взъерошенными усами. Эти усы служили как бы главным отличительным типом его существа. Он сидел, слегка склонив голову, и, зажмурив правый глаз, левым издала глядел на лежавший на столе аукциониста молитвенник так, будто бы целился в него.

— Два рубля пятьдесят пять копеек... Кто больше? — выкрикнул аукционист.

— Пять копеек! — поспешно добавил Люсли.

— Рубль! — сейчас же прозвучал хриплый голос конкурента.

Люсли не отстал; он сейчас же набавил пятак, и тут же со стороны его конкурента раздалось, как эхо, «рубль!».

Так они стали перекликаться, и аукционист едва успевал подхватывать и выкрикивать набавленную цену.

Цена уже была набита до ста трех рублей тридцати пяти копеек, но Люсли все прибавлял по пятаку, а его конкурент — по рублю.

Наконец, тот, словно размахнувшись, вдруг стал прибавлять по двадцать пять, а Люсли хватил сто рублей сразу.

— Двести тридцать два рубля пятьдесят пять копеек! — провозгласил аукционист.

— Двадцать пять рублей! — спокойно прибавил хриплый голос усатого человека.

Люсли начал горячиться и прибавлять десятками рублей.

Среди присутствовавших начался удивленный шепот, почему это вдруг латинский молитвенник так непомерно растет в цене. Большинство никак не могло предположить, чтобы книга могла оцениваться сотнями рублей и чтобы могли найтись люди, способные заплатить за книгу такие деньги.

Не менее других был удивлен и сам аукционист. Много вещей приходилось ему продавать на своем веку, но во всей своей практике он не помнил случая, чтобы цена на книгу росла так, как теперь.

Цена уже перевалила за тысячу, а конкуренты все набавляли, и ни один не желал отступить.

Первым все же стал выказывать беспокойство Люсли. Он достал кошелек, перебрал все находившиеся там золотые, достал бумажник и пересчитал находящиеся там деньги.

Всего у него было тысяча восемьсот восемь рублей — цифра особенно оставшаяся у него в памяти, потому что она случайно совпадала с цифрой года, в котором все это происходило, и он шел до этой цифры. Но вот его конкурент дал тысячу восемьсот двадцать пять рублей, и Люсли вынужден был отстать.